

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 340.11+340.12+343.97

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ МАРГИНАЛЬНОСТИ

Р.Ф. Степаненко

Аннотация

В статье рассматриваются философско-правовые аспекты такого социального феномена, как маргинальность, и его взаимосвязь с правом. Посредством философского и юридического понимания дихотомии «норма – патология», осмысления концепции «отчуждения» исследуются отдельные проблемы философского и правового познания маргинальности.

Ключевые слова: норма, патология, отчуждение, философия права, маргинальность.

Философско-правовое познание маргинальности как социального явления, тесно связанного с правом, в определенном смысле можно отнести к сфере исследования такой науки, как философия права. Предметом этой области гуманитарных знаний от самого широкого его понимания как «исследования смысла права, его сущности и понятия, основания и места в мире, его ценности и значимости, роли в жизни человека, общества и государства» [1, с. 21] до самого узкого – как «познания справедливости в качестве единственной проблемы этой науки» [2, с. 135], на наш взгляд, является «идея права» одного из основателей философского подхода к правопониманию и автора фундаментального философского учения о праве – Г. Гегеля.

В свою очередь, современная наука философии права – в качестве междисциплинарной отрасли знаний объединяющая в себе познавательные ресурсы философии, социологии, психологии, юриспруденции и др. научных дисциплин – занимается исследованием сущности разнообразных правовых реалий, анализом причинно-следственных связей, которыми они соединены с онтологически-метафизическими первоначалами бытия.

Если остановить свое внимание непосредственно на общей теории маргинальности, то обнаруживается значительное совпадение предметно-объектных областей исследования этого феномена, в частности, в двух сложившихся в маргиналистике подходах: философском и правовом (теория права и криминология),

в каждом из которых маргинальный образ жизни, маргинальное поведение и сознание, маргинальная личность, положение маргинальных групп в социокультурном пространстве и т. д. исследуются своими методами. При этом философский подход не вступает в разногласия с правовым направлением, поскольку изучает проблемы, выходящие за рамки юридических дисциплин, относящиеся к познанию частных форм бытия, к числу которых философия относит и право.

Как и общая теория права, философия права (правовая философия) исследует локальные цивилизации, а также конкретные культуры и функционирующие в них системы права, нормы и ценности, составляющие содержание права, сознание и поведение человека, соблюдающего или нарушающего правовые нормы, и многое другое.

Дискурсивность этой основополагающей для философии права проблематики оказывается полезной и для общей теории маргинальности. Здесь следует уточнить, что в последней в настоящее время философско-правовой подход, на наш взгляд, представлен не самым значительным образом, как по объему исследований, так и по их содержанию. Тем не менее исследователи в работах философской направленности останавливают свое внимание на рассмотрении, разъяснении или уточнении взаимосвязи «маргинальности и права» (естественного и позитивного). И это вполне закономерно с позиции изучения «точек соприкосновения», пересечения или взаимодействия таких самостоятельных явлений социально-правовой реальности, как право и маргинальность.

Под маргинальностью, в широком смысле, нами понимается *историческое относительно устойчивое социальное явление, обусловленное как внутренними (личностными), так и внешними (социально-экономическими, политическими, демографическими, духовно-нравственными, в том числе религиозными, и т. д.) причинами и закономерностями, которые в своей взаимосвязи либо совокупности продуцируют формирование специфических, не адаптированных (или находящихся в процессе адаптации) к социально-нормативной системе лиц, групп (страт).*

При более узком правовом подходе это явление определяется (хотя и не всегда, но преимущественно. – Р.С.) в качестве социально негативного (с точки зрения его возможности или способности значительным образом обуславливать деструктивные, в том числе маргинальные, модели) девиантного поведения и его патологии.

Целесообразность философско-правовой рефлексии в сфере маргиналистики, как нам представляется, особенно очевидна в переходные периоды, во время трансформации социальных систем, когда происходят переосмысление и переоценка ценностей, эволюцию которых мы наблюдаем сегодня. В этом смысле философия права, рассматривающая вопросы соотношения прав и свобод, права и справедливости, права и нравственности, взаимодействия права с другими нормами, в том числе и религиозными, а также иные научные исследования в этой сфере, на наш взгляд, являются достаточно значимыми и для объекта нашего познания.

Философско-правовое осмысление отчужденности маргиналов от системы социально-нормативных ценностей в любой из общественных формаций обнаруживает в себе необходимость объяснения многочисленных факторов, собственно

обуславливающих природу этого отчуждения. В связи с этим изучение феномена маргинальности связано с проблемой выявления объективных и субъективных предпосылок возникновения ситуаций (состояний, положений) ведущих, с одной стороны, к личностному отчуждению, а с другой – к «удалению» маргинальных индивидов (групп) за пределы государственного гарантированного правового, в том числе законодательного, пространства.

На самом деле преобладающим большинством работ в маргиналистике научно обосновано и подтверждается, что ситуация и состояние маргинальности формируются двусторонним образом: как в условиях и по причине личностных изменений и переживаний, так и в силу отчуждения у маргиналов принадлежащих им от рождения гражданских прав и свобод, а также собственно отторжения самой личности маргинала доминирующей группой от границ социокультурной, в том числе правовой, сферы. В этом смысле соотношение маргинальности и права (закона) представляет собой, скорее всего, значительную асимметричность положения данных элементов в соционормативном пространстве.

На наш взгляд, отличная от общеправовой философско-правовая точка зрения на феномен отчуждения состоит в том, что последний имеет корни не только в самой природе человека, но возникает и тогда, когда человек «выходит в общество» с его общеобязательными формами, институтами, нормами и т. д., где, по мнению многих исследователей в этой области, происходит умаление масштабов личности, обуславливающее отчуждение человеческой природы. Такая позиция влияния фактора отчуждения в том числе и на формирование маргинальной личности исследуется в многочисленных работах выдающихся зарубежных философов (З. Фрейда, Э. Гуссерля, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартра, Э. Фромма, М. Фуко, М. Хайдеггера, К. Ясперса и многих других).

Так, по мнению Э. Фромма, формирование отчужденного (маргинального. – *P.C.*) человека кроется в специфике экономической системы капиталистического общества, которое создает большую личность и, следовательно, большое общество. Отношения человека и общества складываются таким образом, что оба являются друг для друга лишь орудием или инструментом. Вне взаимной полезности, устанавливаемой между «нанимателем» и «наемником», они являются собой две стороны, не заинтересованные друг в друге. Между тем уже не только экономические, но и личные отношения между людьми в этой ситуации принимают характер отчуждения. Вместо человеческих отношений они напоминают отношения вещей. Но разрушительнее всего, отмечает Фромм, дух отчуждения проявляется в отношении индивида к самому себе [3, с. 129–130].

Современная западная философия значительным образом расширяет проблематику отчужденности и связывает ее с влиянием цивилизации, технологической рациональности, индустриализации, влияющих на формирование современного «одномерного человека» в «одномерном обществе», где последний представляет собой объект духовного манипулирования с пониженным критическим отношением к социуму, тип которого преимущественно возникает в период стратификации нового индустриально развитого общества.

Герберт Маркузе развивает это положение в работах «Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества» (1956), «Негации. Эссе по критической теории» (1968) и др., где приходит к выводу о том, что вся культура буржуазного общества представляет собой результат сублимации, бесчеловечно деформирующей изначально, то есть природные, желания человека. Автор отмечает, что процессы, которые порождают «Я» и «Сверх-Я», формируются и сохраняются в специфических общественных институтах. «Такие психоаналитические понятия, как сублимация и идентификация, имеют не только психическое, но и социальное содержание, вырастающее из системы институциональных, правовых, административных и традиционных отношений, противостоящих индивиду как объективные данности» [4, с. 171].

В отчужденной, или маргинальной, ситуации индивид, так или иначе вовлеченный в разделение общественного труда, формируется односторонним образом и, в том числе при помощи правового контроля, становится поистине «одномерным», считает Г. Маркузе. Эта одномерность присуща всем развитым индустриальным обществам, в которых «налаженный технический аппарат – утвердившийся как отдельная власть над индивидами – зависит от ускоряющегося развития и распространения производительности» [4, с. 218]. Такое общество приносит в жертву абстрактной экономической и политической необходимости главное свое богатство – свободу индивидуальности, отождествляемую фактически с беспрепятственным удовлетворением творческих и иных потребностей человека.

Одним из наиболее значительных явлений философской мысли середины прошлого века стала социальная теория Франкфуртской школы, предпринявшей грандиозную попытку синтезировать аутентичный марксизм и классический психоанализ, созданный З. Фрейдом. Синтез оказался более чем успешным: он позволил понять, что экономическая детерминация, лежащая в основе поступков и мотивов людей, находит свое непосредственное выражение в невротических состояниях, в основе которых лежит не столько индивидуальная психическая девиация (и патология), сколько доминирование в общественном сознании Принципа реальности над Принципом удовольствия.

В этой связи М. Хоркхаймер и Т. Адорно отмечали в работе «Диалектика Просвещения. Философские фрагменты», что рациональность, осмысленная в веберовской «теории ценностей», обнаруживает свое важнейшее свойство – быть формой насильственного господства абстрактного характера товарно-денежного фетишизма над естественными влечениями людей, а отчуждение человека есть результат процессов данной рационализации.

Психоаналитическая научно-исследовательская философская мысль, возникшая в рамках теории психоанализа З. Фрейда, имеет значительное влияние на изучение отклоняющегося поведения в области гуманитарных исследований. Как совокупность теоретических и прикладных аспектов фрейдизма и постфрейдизма, эта сфера познаний позволяет по-своему осмысливать общественную культуру, мировоззрение и нравственные проблемы в контексте человеческого, социального и правового бытия.

Психоанализ, по мнению Фрейда, относится не к клинической дисциплине, а фактически становится одним из направлений или подходов в проблематике философии, социологии, истории и права. Познание роли и места неосознаваемых психических процессов и явлений, конфликтности человеческой природы, репрессивного, по мнению автора теории психоанализа, характера культуры, несомненно, играет свою существенную роль в понимании теории личности, общем учении о человеке, концепции массовой психологии, истории, культуры и права.

Последователи психоаналитической традиции, и в частности К. Ясперс, изучая многообразие представлений о норме в психопатологии через введенное им и интересующее нас понятие «пограничная ситуация», отмечает, что человек в своих истоках есть не что иное, как «борьба». Являясь общественным существом, он находится в центре конфликта между индивидуальной и коллективной волей. Как мыслящее существо, он пытается преодолеть противопоставление субъекта и объекта, антагонизм между «Я» и предметным миром. Как Дух, человек всегда пребывает в пространстве противоположностей, «он склонен к отрицанию, но последнее не разрушает его, а выступает как форма созидания через преодоление и синтез, осуществляемые в процессе становления» [5, S. 701].

Пограничная ситуация (то есть конечные границы бытия, данные индивиду через интенциональную связь «Я» и предметного мира) в маргинальном положении предоставляет человеку возможности, которые он может либо использовать, либо упустить. Всякое определение позиций личностью так или иначе связано с решающим выбором, а поскольку любой выбор неизбежно исключает часть возможностей, то человек самостоятельно принимает безусловные и окончательные решения в наличном должествовании и во времени.

Здесь, на наш взгляд, в познании маргинальности как свойства, влияющего на сознание, в том числе на правосознание, индивида обнаруживает свою значимость феноменологический метод философских исследований Э. Гуссерля, который позволяет перейти от метафизического объяснения этого феномена к субъективистскому взгляду на его функционирование в социуме. Этот метод дает возможность изучить социокультурные возможности и потребности маргинальных страт через структуры сознания, содержащие предпосылки для восприятия ими естественно-правовых концептов. Для этой философско-правовой сферы, в том числе в маргиналистике, изучаемой посредством применения гуссерлианского метода, наибольший интерес представляют не чистые нормативные структуры, подчиняющие себе человеческое сознание и социальную деятельность, а структуры внутренней мотивации исторического субъекта, которые выражаются в совокупности образов непосредственно чувственной данности.

Э. Гуссерль вводит в свою теорию концепт «жизненного мира», который означает, что каждый человек обладает совокупностью первоначальных, донучных мнений, очевидностей, верований, не нуждающихся в доказательствах и нормативных императивах. Они значат для становления правосознания, по мнению Гуссерля, гораздо больше, чем рассудочные доказательства и дискурсивные обоснования. Феноменология перемещает доминанту нормативности из внешнего правоустанавливающего пространства во внутренний мир человека, который должен отвечать критериям нравственности и правозаконности. Именно

внутренние истины и их содержание являются предельно достоверными, именно они являются регуляторами деятельности человека, утверждает феноменология [6, с. 235–240].

Нам представляется, что данные положения философско-правового подхода как нельзя лучше объясняют историческую детерминированность процессов маргинализации, связанных не столько с внешними (социально-экономическими, политическими и т. д.) факторами, сколько с внутренними закономерностями формирования качеств и свойств деструктивного поведения индивидов. Как показывают наши эмпирические исследования, крайне низкий уровень правосознания у маргинальных лиц в большинстве случаев свидетельствует даже не о случайности или дисперсионности таких специфических характеристик как факторе деформации правосознания, а о достаточно устойчивом характере этой деформации, а возможно, и о патологии отчуждения либо отклонения от соционормативного пространства.

В связи с этим вопросы соотношения «норма – патология» в качестве специфического свойства маргинальности, продуцирующего (или наоборот) неправомерное поведение подводят нас к области философско-правовой рефлексии в части исследования *дихотомии «норма – патология»*, опосредованной через понимание «сущего и должного». В отличие от общефилософских и социально-философских представлений о норме как об эталонном и знаковом образце, встроенном в социальную деятельность, поведение, обучение и т. п., философско-правовая рефлексия в сфере психоанализа рассматривает соотношение «норма – патология» в качестве самостоятельного метода, который, по нашему мнению, открывает иной взгляд на изучаемый нами феномен.

С позиции культурного релятивизма о норме и патологии можно судить в большей степени на основании соотнесения особенностей культуры определенных социальных групп, к которым принадлежат исследуемые индивиды. Иначе говоря, то, что вполне нормально для культуры одной группы, для другой будет выглядеть как патология. Однако, по вполне справедливому суждению В.В. Лучкова и В.Р. Рокитянского, при таком подходе по крайней мере два обстоятельства делают невозможным однозначное определение нормального и патологического поведения: множественность социальных общностей, «социумов», к которым принадлежит отдельный индивид, с одной стороны, и неоднородность восприятия предъявляемых к нему требований – с другой. Они подчас не совпадают и не согласуются друг с другом (под влиянием требований семьи, трудового коллектива, социальной среды, нормативно-правовых актов и т. д.).

Становится очевидным, что, последовательно придерживаясь этого подхода и переходя к наиболее рецессивным подразделениям социальной среды, к которым мы относим и маргинальный сегмент, для каждого индивида возможно установить свое специфическое множество критериев «нормы и патологии», вплоть до представления, что «все нормально по отношению к самому себе» (цит. по [7, с. 10]).

Экзистенциализм в формате зарубежного психоанализа вообще считает патологии, в том числе и психические, «жертвами» негативного, патогенного

влияния общества, которое признает сумасшедшим того, кто не соглашается с предписаниями государства.

Непосредственно философско-правовой аспект исследования критериев разграничения «нормы» и «патологии», существенным образом различаясь с психологическим и психиатрическим подходами, делает необходимой попытку обозначения границ, в которых вещи, явления и общественные системы, а также функционирующие в них виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции и формы воспроизводства с точки зрения их бытия в социокультурном, в том числе правовом, пространстве.

Если основываться на философско-правовом понимании маргинальности как «отдаленности» от некоего символического центра ценностной системы координат, в том числе норм и эталонов поведения, а также принять во внимание, что, собственно, сама норма в философском подходе представляет собой частный случай оценок, где между нормой и тем, что ею не является, нет ясной границы, представляется достаточно затруднительным представить данную дихотомию в оценке маргинального поведения. С другой стороны, чрезмерно нормативистская позиция при оценке маргинальности как свойства отклонения от нормы также в определенной степени может быть представлена в философском смысле как некая патология.

В то же время если обратить свое внимание на юридическое понятие нормы как на «нечто привнесенное в бытие извне» (в философско-правовом аспекте), то в данном случае логическая составляющая категории нормы не сможет являться основанием для указания на специфичность положения такого культурного феномена, как маргинальность. В этом смысле важно учитывать, с одной стороны, дуалистическое научное понимание того обстоятельства, что и правовая, и философская категории нормы в одинаковой степени равновесны для философско-правового направления, а также аналогично исторически изменчивы для обоих направлений. А с другой стороны, в рамках юридического подхода изучения маргинальности необходимо принимать во внимание не только дуализм философского и правового осмысления нормы, но и существующее различие правовой и юридической нормы, проблема которого в теории права имеет исторически дискуссионный характер.

В действительности интерпретации правовой и юридической нормы дополняют друг друга, обеспечивая эффективность правового опосредования общественных отношений, одно без другого в принципе не может существовать и функционировать, считает Л.С. Явич [8, с. 90–91].

В этой связи думается, что с накоплением большого теоретического и эмпирического материала, интенсивным внедрением современных достижений философской и социологической науки, активным привлечением в правовую научную сферу методов социальной психологии, теории информации и других смежных наук в исследовании проблемы юридической нормы в настоящее время появилась тенденция к преодолению некоторых сложившихся стереотипов, отмеченная наличием новых перспективных идей и подходов. Разумеется, это не исключает плюрализма мнений и многообразия подходов, которые нацелены на дальнейшее углубление наших знаний о правовой норме и ее функциях

[9, с. 102], в том числе при помощи таких научных дисциплин, как философия и социология права.

При более широком социально-философском подходе к рассмотрению интересующей нас дихотомии «норма – патология» применительно к маргиналистике возникает возможность различать патологию как собственно «не норму» и патологию как «границу» либо «предел нормы». Тогда отклонения или патология предстают как «другая норма», возможно принимаемая и одобряемая иными, в том числе маргинальными, стратами, в другом времени или ином пространстве, составляющая иную форму человеческого существования.

В своем известном изречении относительно наиболее общей формы сущности человека К. Маркс утверждал, что «в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [10, с. 3], и в то же время предостерегал от чрезмерности противопоставления человека, индивида и общества. «Прежде всего, – писал К. Маркс, – следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими... – является проявлением и утверждением общественной жизни» [11, с. 119]. Следовательно, не только соответствие нормам или нормальность, под которой подразумевается приспособляемость, адаптивность, конформность, стремление к гомеостатическому равновесию с социальной средой, но и *отклонения от этой «нормальности» суть образ того общества*, элементом которого является и маргинальная личность.

Познание сущности и динамики маргинальности как свойства отдельных индивидов или страт, которые указывают на определенные отличия этих групп от доминирующих других, определяет задачи исследования маргинальности в сфере поисков и объяснения тех системообразующих факторов, которые детерминируют эти процессы. Действительно, маргинальность не соответствует некоему «шаблонному» поведению, но она и не появляется в виде свойства отдельного индивида как заранее готового предмета с заданными характеристиками. Маргинальность *есть всегда процесс, движение*, как и сам человек, который «не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [12, с. 476], где опять же основным критерием целеполагания человека является *свобода Выбора*.

Перед человеком открывается окружающий мир – как арена его возможных действий, которые произойдут или не произойдут, в том числе благодаря психическому отражению ситуации индивидом, тем самым открывающему для него возможность этого выбора. Именно самостоятельность его выбора, а не диктуемые извне правила с точки зрения философии права позволяют измениться или не измениться маргинальной ситуации в сторону патологии.

Между тем философско-правовой подход в значительной степени акцентирует свое внимание на типичности маргинального состояния индивидов именно в периоды переходных исторических эпох и социокультурных трансформаций. Особую сложность для личности тогда приобретает проблема выбора тех или иных предпочтений в пространственно-временном интервале различных соционормативных комплексов. В этих условиях резко возрастает число субъектов,

не умеющих приспособиться к нормативной системе. К их числу относятся социокультурные личности, поставляющие обществу как новаторов-подвижников, так и субъектов отклоняющегося (девиантного, делинквентного и криминального) поведения.

В широком смысле философско-правовое понятие маргинальности характеризуется как «специфичность различных культурных феноменов, часто асоциальных или антисоциальных, развивающихся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную или господствующую парадигму мышления и... обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культур» [13, с. 605], в том числе правовой системы.

В.А. Бачинин, исследуя феномен маргинальности с точки зрения философии и социологии права, выделяет несколько основных типов маргинальности:

1) социальная маргинальность, которая возникает преимущественно в результате перемещения субъектов в социальном пространстве. Типовым социальным фактом пространственного перемещения исследователи считают переезд индивида из села в город. Возникающие вследствие этого перемены статуса и духовного мира мигранта складываются в определенные нормативно-ценностные комплексы, не свойственные горожанину. Автор выделяет две категории мигрантов: а) адаптировавшиеся к новой социальной среде; б) не адаптировавшиеся из-за низкого культурно-духовного уровня нравственного развития, то есть маргиналы, у которых, в силу этих обстоятельств, формируются асоциальные, криминогенные воззрения, ведущие к «духовной» гибели;

2) возрастная маргинальность, свойственная лицам молодого возраста, находящимся в состоянии незавершенной социализации, пребывающим в состоянии поиска самого себя и своего места в социуме;

3) культурная маргинальность, характерная для индивидов, чьи культурные корни оказались оборваны в силу тех или иных причин, и они пребывают в состоянии насильственного отчуждения от традиционных ценностей;

4) моральная маргинальность, означающая положение индивида в несвойственном ему аксиологическом пространстве по ряду объективных и субъективных причин [6, с. 444].

Данная классификация, хотя и требующая отдельных уточнений, в значительной степени соответствует основным положениям теории маргинальности и, что наиболее важно для правовых ее исследований, акцентирует свое внимание на аспектах правонарушающего, отклоняющегося поведения индивидов, находящихся в ситуации либо состоянии маргинальности.

С позиций познания маргинальности как «отклонению от нормы» уделяется значительное и более предметное внимание в современных российских научных работах социально-философской и философско-правовой направленности (С.П. Гурин, Е.И. Ефремова, А.С. Зайналабидов, С.С. Кирилук, Е.В. Покасова и др.).

Так, исследуя проблемы маргинальности в философской и религиозной антропологии, С.П. Гурин отмечает, что маргинальные феномены крайне трудно поддаются контролю, расчету и управлению. Это гениальность и сумасшествие, подвиг и преступление... Это то, что нельзя гарантировать и от чего невозможно

застраховаться. Это феномены на грани, на пределе человеческих возможностей, по ту сторону норм и правил, за границами контролируемой реальности.

Маргинальность, по мнению С.П. Гурина, это нечто трансцендентное, нечто такое, что заведомо травмирует психику и трансформирует личность. Особое значение в познании феномена маргинальности, отмечает автор, приобретает изучение опыта поведения человека на границе бытия, способов преодоления или нарушения им онтологических и антропологических границ (преступление или подвиг) [14, с. 39, 40].

Отдельные философско-правовые аспекты изучения маргинальности включают рассмотрение причин и условий, детерминирующих отклоняющееся поведение, а также поиск решений, позволяющих минимизировать маргинальные ситуации либо предотвратить переход сложных ситуаций в маргинальное состояние или положение. Такая постановка проблемы, как следует из сказанного, полностью совпадает с задачей нашей концепции в части превенции маргинального поведения и совершения маргинальными лицами правонарушений, в том числе преступлений.

Таким образом, философско-правовая рефлексия в дискурсе маргиналистики (общей теории маргинальности), как представляется, позволяет нам сделать несколько обобщающих выводов.

1. Посредством философско-правового научного понимания проблемы «отчуждения» и дихотомии «норма – патология» как опосредованных смысловых, ценностных и нормативных элементов «сущего и должного» в правовой действительности, на наш взгляд, возникает возможность приблизиться к пониманию генетической связи права и маргинальности. В свою очередь, философско-правовое понимание этой связи позволяет подойти к познанию феномена правовой маргинальности (маргинального поведения, маргинального правосознания, криминальной маргинальности, маргинальной преступности и др.) в правовом универсуме (правовой системе, отрасли права, норме права и др.).

2. При помощи философско-правового осмысления дихотомии «норма – патология», основанного на историчности, многообразии и общенаучности ее познания, в исследовании маргинальности обнаруживается по крайней мере дуалистическое понимание сущности этого феномена, что уже подразумевает непредвзятость оценки при употреблении термина «маргинальность». С другой стороны, философско-правовая рефлексия позволяет сделать вывод, что придание аксиологически нейтральному (преимущественно для философии) понятию «маргинальность» негативного оценочного критерия возможно в том случае, если оно рассматривается в качестве концепта правового, и в особенности юридического, понимания сущности и закономерностей формирования отклоняющегося (девиантного) поведения.

3. Изучение социального феномена и понятия «маргинальность» при помощи различных феноменологических подходов (Гегеля и Гуссерля), фрейдовской теории психоанализа, экзистенциализма (Хайдеггера, Ясперса и др.), фрейдомарксистских взглядов Г. Маркузе в социально-теоретической концепции индустриального общества, а также других философских учений способствует расширению и обогащению антропологического, онтологического и гносеоло-

гического понимания маргинальности, в том числе в сфере правовых ее исследований.

4. Опыт применения философско-правовой рефлексии может оказаться полезным и в других областях правовых знаний: посредством подобного опыта может быть осуществлен поиск непосредственных и опосредованных, смысловых и ценностно-нормативных аспектов в познании различных социально-правовых феноменов.

5. Идея философско-правовой мысли о возможности преодоления различий двух своего рода «конкурирующих» теоретико-правовых направлений: естественного права, то есть сути «естества» человека как духовно-нравственного существа [15, с. 248], и позитивного (в качестве публично признаваемого) права – не должна, на наш взгляд, игнорироваться при правовом подходе исследования маргинальности.

И.А. Ильин утверждал, что «такого верного соотношения в действительности достигнуть трудно, хотя и не невозможно. Все человечество имеет перед собой задачу – работать над моральным усовершенствованием права. Создать естественное право есть идеал, который постепенно осуществляется в истории... Отмена правовых норм, допускающих рабство, пытки, телесные наказания... бесправное положение женщин и т. д., свидетельствует о том, что дальнейшая работа здесь и необходима, и возможна» [15, с. 249]. В связи с этим, как отмечал выдающийся русский юрист И.В. Михайловский, и «философское познание, и обоснование права должны служить руководящими началами практики» [16, с. 52].

Представляется, что данные выводы, вероятно, могут быть учтены при обсуждении вопроса о целесообразности и необходимости формирования самостоятельного философско-правового подхода в маргиналистике. В свою очередь, такое направление может представлять значительный интерес как для общетеоретических исследований в области философии и права, так и для сферы правотворческого и правоприменительного процессов, в которых формирование и использование нормативно-правовых обоснований должно выстраиваться на паритетном соотношении права и морали, права и справедливости, права и нравственности, имеющих фундаментальный смысл в гегелевской «идее права».

Summary

R.F. Stepanenko. Legal and Philosophical Problems of the Perception of Marginality.

The article deals with the philosophical and legal aspects of the social phenomenon of marginality and its relationship with law. Through the philosophical and legal understanding of the norm – pathology dichotomy, as well as the understanding of the concept of “alienation”, the author explores the number of problems regarding the philosophical and legal perception of marginality.

Key words: norm, pathology, alienation, philosophy of law, marginality.

Литература

1. *Нерсесянц В.С.* Философия права. – М.: Юристъ, 1990. – 352 с.
2. *Джентиле Ф.* О роли философии права в изучении юриспруденции в Италии // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 132–136.

3. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя / Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. – 576 с.
4. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация: Авт. сб. // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М.: АСТ, 2003. – С. 5–250.
5. *Jaspers K.* Allegemeine Psychopathologie. – Heidelberg; Berlin; New York: Springer-Verlag, 1973. – 748 S.
6. *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 1093 с.
7. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
8. *Явич Л.С.* Сущность права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 207 с.
9. *Тарханов И.А.* Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 332 с.
10. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 1–4.
11. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
12. *Маркс К.* Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 46, Ч. I. – С. 51–560.
13. Всемирная энциклопедия: Философия / Гл. науч. ред. А.А. Грицаков. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современ. литератор, 2001. – 1312 с.
14. *Гурин С.П.* Проблема маргинальности в философской и религиозной антропологии: Дис. ... д-ра философ. наук. – Саратов, 2003. – 366 с.
15. *Ильин И.А.* Теория государства и права. / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 550 с.
16. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. – Томск: В.М. Посохин, 1914. – Т. 1. – 632 с.

Поступила в редакцию
29.03.10

Степаненко Равия Фаритовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии управления «ТИСБИ», г. Казань.
E-mail: i_naughty@mail.ru